

созданных примерно в те же годы мозаиках Софии Константинопольской. Другую группу изображений, более экспрессивных и выполненных с нарушением пропорций, исследовательница сопоставляет с иллюстрациями *Sacra Parallela*. Однако едва ли правомерно сравнивать выполненные с прекрасным знанием анатомии, многоцветные (пусть слегка уплощенные) изображения, украшающие парижскую рукопись, с абсолютно внереальными, исполненными только с помощью золота, контура и еще нескольких линий, придающих изображению законченность, знаково-лаконичные и при этом завораживающе выразительные образы *Sacra Parallela*.

В целом при чтении книги создается впечатление, будто автор никак не ожидал, что кто-нибудь прочтет ее целиком: в разных частях тома можно обнаружить достаточно пространственные и почти идентичные фрагменты, приводимые в подтверждение одной и той же авторской идеи. И еще исследовательница, по-видимому, так и не решила, кому она адресует свой труд: помимо того, что язык изложения совсем нельзя назвать простым, у читателя, очевидно, предполагается наличие хороших знаний по византийской иконографии и неплохих представлений о других рукописях IX в., упоминаемых в тексте. При этом появляются пассажи, объясняющие, кто такой патриарх Фотий и какова его роль в византийской культуре второй половины IX в., излагается суть его “Библиотеки” и “Амфилохии”.

Многие недостатки книги, о которых шла речь безусловно ничуть не уменьшают значения осуществленного исследования, но сильно затрудняют чтение и делают ее доступной, увы, лишь для узкого круга специалистов. Знаменитая статья С. Дер Нерсессян остается на сегодняшний день несомненно наиболее удачным (глубоким, ясным, достаточно лаконичным и легким для восприятия) исследованием парижской рукописи Гомилий Григория Назианзина⁵.

И.А. Орецкая

Христианские реликвии в Московском Кремле / Редактор-составитель А.М. Лидов. М.: “Радуница”, 2000. 304 с., илл.

Новое издание Центра восточнохристианской культуры представляет собой каталог одноименной выставки, проходившей в выставочном зале кремлевской звонницы с мая по октябрь 2000 г. Экспозиция православных святынь, приуроченная к организованному Центром симпозиуму “Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира”, была призвана продемонстрировать научную и общекультурную значимость этой важнейшей компоненты православного благочестия. Массовое паломничество в Кремль верующего народа, показало, что “единицы хранения” кремлевских музеев на время восстановили свой некогда высокий сакральный статус. Однако реализация сакрального аспекта выставки на уровне современного, в значительной части неофитского, религиозного сознания в известной степени заслонила реализацию ее притягательной научной концепции. В конце XX в. для России стал привычным компромиссный способ обращения с чтимой святыней, выраженный ситуацией типа “проскинесис в музее”. В этом смысле выставка реликвий принципиально ничем не отличается от постоянной экспозиции в Успенском соборе, где есть и мощи, и чтимые иконы. Таким образом, многовековая православная традиция, подтверждающая свою мощь, сама стихийно конструирует вокруг реликвии новое “сакральное пространство” (воспользуемся краугольной категорией из вступительной статьи А.М. Лидова), мало нуждаясь в услугах организаторов выставки: едва различимый в окошке реликвария предмет, которому традиция усваивает громкое имя Ризы Господней, в современных условиях неминуемо привлечет к себе внимание без всякой теоретической базы. И в этом нет вины авторов выставки, которые много сделали для того, чтобы демонстрируемые артефакты воспринимались не

⁵ *Der Nersessian S. The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus, Paris. Gr. 510. A Study of Connections between Text and Images // DOP. 1962. 16. P. 197–228.*

только как более или менее выдающиеся произведения средневекового искусства. Вообще же, как свидетельствуют недавние проекты других отечественных музеев (выставка типа “Синай. Византия. Русь”, “Россия. Православие. Культура”, “София Премудрость Божия”), на средневековом материале трудно создать удачную экспозиционную концепцию и почти невозможно воплотить эту концепцию на предметном уровне.

В подобных обстоятельствах издание каталога выставки (пусть даже после ее закрытия) – нечто большее, чем дань привычному обычаю сопровождать экспозицию неким комментирующим ее изданием. Каталог в каком-то смысле более выразителен, поскольку в нем удалось структурировать интенции устроителей выставки, которые не всегда отчетливо читались под низкими сводами кремлевской звонницы. Авторы каталога пытаются представить в его статьях основные принципы православного культа реликвий, и потому в нем действительно ощущается отмеченное А.М. Лидовым в предисловии смешение жанров: тексты, предваряющие основные разделы издания, могли бы стать составными частями небольшой коллективной монографии о восточнохристианских реликвиях, тем более что каталог является одной из первых отечественных публикаций на эту тему.

Специфика выставки, построенной на материалах российских музейных собраний, предопределила преимущественное внимание авторов к проблемам русской средневековой культуры. Многие из экспонированных святынь – византийского или восточного происхождения, но конкретные, предметные формы их почитания – продукт запросов русского общества. Факт миграции реликвий, присущая им роль носителей культурной информации оттеняют региональную специфику (на выставке и в каталоге отражены и сугубо местные сюжеты, связанные с формированием культов русских святых) и в то же время помогают выйти на более широкий уровень. Они позволяют высказаться на значимую для всей восточнохристианской культуры тему роли реликвий в организации сакрального пространства храма, который может осуществлять функции реликвария или ковчега с мощами (статья А.М. Лидова “Сакральное пространство реликвий”), или пространства самого Московского Кремля как одной из важнейших и максимально насыщенных импортной и отечественной святостью сакральных зон Русского государства.

Типология описанных в каталоге артефактов весьма разнообразна и репрезентативна. Здесь есть предметы, которым издавна сопутствовала репутация чтимой святыни, и предметы, наделенные функциями реликвии столетия спустя после их создания. С частицами мощей соседствуют чудотворные иконы или их списки. Продемонстрированы различные варианты хранения и вообще использования реликвий – их можно заключать в драгоценные ковчеги, вставить в икону, трактуемую в качестве реликвария, превращать в особо сакральный материал для изготовления новых произведений, почитать, изображая на иконах обретение или перенесение святыни. Однако внимание авторов каталога было обращено не столько на проблему оформления культа реликвий (ей была специально посвящена лишь статья И.А. Шалиной “Реликвии в восточнохристианской иконографии”), сколько на оппозицию “Православный Восток – Русь”, напоминающую о традиционно кружащих головы исследователей мифологемах Третьего Рима и Нового Иерусалима, которые неминуемо всплывают на поверхность в стенах Кремля, неподалеку от дворца московских государей. Цементирующее выставку и каталог наличие “своей”, т.е. русской и даже кремлевской колокольни стимулируют желание увидеть с нее не только Корсунь, некогда воспринимавшуюся как один из источников русских святынь, но и первоисточники материализованной в мощах благодати – Иерусалим и Константинополь. Поэтому после статьи И.А. Стерлиговой, где идет речь о византийском почитании новозаветных реликвий и о продолжении этой традиции на Руси, помещены тексты о тех же новозаветных святынях, происходящих из Палестины (Л.А. Беляев), Константинополя (А.С. Зверев) и полупоэтичной Корсуни (Т.В. Толстая, Е.В. Уханова). Эти исследования сопровождаются другими текстами, в которых говорится о дополняющих картину собственно русских сюжетах – чудотворных иконах Кремля (Л.А. Щенникова) и реликвиях русских святых – прежде всего похороненных в храмах Кремля московских митрополитов (Е.А. Моршакова, Т.Е. Самойлова).

Заметно, что авторы каталога максимально расширяют смысловое поле слова “реликвия”, которое в принципе не совсем адекватно русской традиции, знавшей всеобъем-

лющее слово “святыня” и более конкретный термин “мощи” (ему соответствовали лишь телесные останки и контактные реликвии). Программным становится включение в каталог раздела о чудотворных иконах, которые осмысляются как явление, близкое мощам по функциям и принципам почитания. Хотя подобный подход оправдан двойным статусом такой знаменитой святыни, как Эдесский Нерукотворный образ Христа, и кремлевским статусом экспозиции, он все же мешает классифицировать предметы, почитавшиеся людьми византийского и русского средневековья, и решить сложную проблему взаимоотношения священного образа и реликвии (впрочем, статьи И.А. Шалиной и Л.А. Беляева содержат весьма интересные размышления на эту тему). Поэтому слово “реликвия” приобретает несвойственное средневековью значение мемориального предмета вообще, и в то же время из круга материальных проводников Божественной благодати исключаются, например, такие немаловажные явления, как культ святых источников или запасавшейся впрок богоявленской воды. Следствием этой же установки оказывается неразличение ключевых особенностей почитания раздробляемых и тяготевших к церковному интерьеру материальных останков и не поддающихся разделению, но зато выносившихся на городские улицы и постоянно воспроизводимых чудотворных икон (тем более что динамика копирования чтимых образов в восточнохристианском мире пока остается малоисследованной).

Конечно, нельзя требовать от каталога итоговой, полной и точной (да и где критерии этой точности?) расстановки акцентов. Безусловно, теме реликвий уготовано интересное будущее: на продолжение исследований провоцирует прежде всего русская тематика – культы национальных святынь, параллели и контрасты с православным Востоком и латинским Западом, преемственность и разрыв Нового времени по отношению к средневековому благочестию. Нет никаких сомнений в том, что труды Центра восточнохристианской культуры, реабилитировавшие реликвии, содействуют приобщению к рассмотренным непростым сюжетам и заполнению историографической и культурной лакуны.

А. Преображенский

Лидов А.М. Византийские иконы Синая. Москва; Афины: “Христианский Восток”, 1999. 146 с., илл., резюме на греческом яз. (Серия “Икона”, издатель и составитель серии А. Ивинская)

Большие и малые публикации и исследования афонских, кипрских и синайских древностей на Западе стали почти повседневыми, но никак не рутинным явлением, а русские ученые в своей массе довольствуются информацией, полученной из вторых и третьих рук. Между тем с недавних пор ситуация стала меняться: Синайский монастырь святой Екатерины предоставил несколько выдающихся икон из своего собрания для экспонирования в залах Эрмитажа, а книга А. Лидова, исследовавшего памятники непосредственно в стенах монастыря, стала первым русским изданием, специально посвященным уникальной иконной коллекции Синая.

Альбому предпослана вступительная статья, в которой автор излагает историю Синая и обрисовывает пути эволюции византийской живописи на примере икон, сохранившихся в монастыре св. Екатерины. Высокое качество и разнообразие памятников синайской коллекции позволяют справиться с этой задачей. Однако самая ценная и информативная часть альбома – воспроизведения и иконографическое описание-комментарий сорока двух икон VI–XV вв. (за рамками книги остались памятники, созданные после падения Византийской империи). Конечно, это лишь верхушка синайского айсберга, поскольку всего икон в монастыре около двух тысяч. Впрочем, осуществленная автором выборка достаточно репрезентативна и отражает реальные черты монастырской коллекции: наличие редчайших икон VI–VIII вв., богатейшее собрание памятников средне-византийской эпохи, уникальная группа икон из так называемых “мастерских крестоносцев”, комплекс интереснейших житийных икон и относительная (например, по сравне-